

А.А. Клецин

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОМАШНИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ МЕЖДУ СУПРУГАМИ: ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Статья представляет собой обзор проведенных за последние 10–15 лет эмпирических исследований о распределении домашних обязанностей в семье («факты» и установки); представлены различные механизмы и факторы разделения труда между мужьями и женами; описаны и сопоставлены теоретические подходы (отечественные и зарубежные) к анализу распределения домашнего труда. Особое внимание уделено феминистским (гендерным) способам оценки, изучения и интерпретации разделения работ по дому.

Несмотря на некоторый разброс данных (зависящих от метода исследования, места его проведения, выборки, характеристик единиц наблюдения и пр.), неоспоримым фактом является то, что большая часть домашней работы приходится на долю женщин. Приведу характерные высказывания:

«Почти во всех развитых и развивающихся странах наблюдается поразительно устойчивое гендерное разделение труда, при котором мужчины больше работают на рынке труда, а женщины – дома» [1, с. 160];

«Во всем мире на долю женщин выпадает основная работа по уходу за детьми и ведению домашнего хозяйства. Женщины в большинстве случаев сочетают домашнюю работу с работой вне дома, часто не отражаемой традиционной статистикой рабочей силы. И женщины, как правило, трудятся значительно больше времени, чем мужчины, если учитывать работу на рынке труда и домашнюю» [1, с. 69];

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 00-03-00267.

«...даже если и муж и жена работают вне дома, жена обычно выполняет основные домашние дела» [2, с. 344];

«Во всех регионах мира около 75% (с небольшими колебаниями) нагрузки по ведению домашнего хозяйства ложится на женщины» [3, с. 94];

«...множество фактов говорит о том, что, несмотря на тридцать с лишним лет существования феминизма, женщины (и иногда дети), в основном, готовят еду, убирают, ходят по магазинам и стирают» [4, с. 187].

Кроме того, отмечено, что почти во всех странах женщины работают большее количество часов, чем мужчины (но этот гендерный разрыв оказался почти нулевым в странах с самым высоким уровнем доходов). Основным же источником гендерного разрыва в совокупном показателе рабочего времени являются гендерные различия во временных затратах на нерыночные виды деятельности (см.: [5; 6]). При этом отмечается, что «даже при большом выборе занятости и большей гибкости традиционное разделение труда между женщинами и мужчинами сохраняется» [1, с. 194].

Обобщение результатов американских исследований [3, с. 258–259] дает следующий перечень наиболее устойчивых зависимостей между характеристиками супругов и параметрами распределения домашних обязанностей:

- чем меньше разрыв в заработках мужей и жен, тем более равномерно распределяется домашняя работа;

- чем выше уровень образования мужей, тем больше они участвуют в домашних делах;

- чем выше престиж профессионального занятия мужей, тем меньше они занимаются ведением домашнего хозяйства;

- чем более эгалитарных взглядов придерживаются мужья, тем равномернее распределяется домашний труд;

- престиж профессионального занятия женщин не имеет выраженной связи с временными затратами на домашний труд;

- жены с более эгалитарными представлениями меньше времени уделяют ведению домашнего хозяйства.

По результатам наиболее представительных из имеющихся российских исследований [7–9] ситуация такова:

- уровень совокупных затрат труда (временная оценка) у мужчин и женщин относительно близок (соответственно: 45% и 55%); в рыночном труде семьи на долю мужчин приходится 62%, на долю женщин – 38%; в семейных затратах домашнего труда доля мужчин – 31%, женщин – 69%;

- увеличение занятости мужчин на рынке труда вынуждает женщину уделять больше времени домашнему хозяйству, увеличение же оплачиваемой занятости женщин хотя и снижает ее долю в домашнем труде, но домашний невыполненный труд не перекалдывается на плечи мужчины – его домашняя занятость возрастает только относительно, а не абсолютно, такая же закономерность обнаружена и в отношении получаемых доходов;

- средние величины домашнего труда слабо зависят от возраста, но по мере перехода к старшим возрастным группам вовлеченность обоих супругов в домашний труд снижается;

- с ростом образования супругов увеличивается их занятость на рынке труда и доля оплачиваемой занятости в совокупной трудовой нагрузке, на перераспределение труда (как рыночного, так и домашнего) образование супругов никак не влияет;

– распределение трудовой нагрузки относительно нейтрально по отношению к социально-профессиональному статусу членов семьи, предположения о тяготении семей рабочих к традиционному разделению труда не подтвердились;

– женщины с более либеральными (не консервативными) гендерными убеждениями более удовлетворены разделением труда в семье.

Что касается распределения домашних обязанностей по их видам, то данные по 23 европейским странам, показывают, что чаще всего такими домашними работами, как стирка, уборка, хождение за покупками, приготовление пищи, занимаются женщины, а мужчинам остается только мелкий ремонт по дому [10]. Аналогичная картина была получена нами на российском материале (см. Прил. 1).

Если говорить о динамике временных затрат на труд в домашнем хозяйстве, то по данным сектора рабочего и нерабочего времени Института социологии РАН (исследования бюджета времени жителей г. Пскова в 1965, 1986 и 1997/1998 гг. по аналогичной методике), за последние 32 года затраты времени на бытовую деятельность у работающих мужчин увеличились на 3,3 часа в неделю, а у женщин уменьшились на 5,6 часа. При этом, хотя у работающих женщин и сохраняется большая, чем мужчин, продолжительность бытовой деятельности, но превышение это уменьшилось и составляет 1,7 раза в 1998 г. против 2,6 раза в 1965 г. [8, с. 27–28].

Представляется, что ситуация в целом ясна и дальнейшее систематическое описание эмпирического материала (приведение таблиц распределений, описаний выборок и инструментария и т.п.) здесь было бы излишним педантизмом*.

Многочисленные факты устойчивой асимметрии распределения хозяйственных обязанностей в семье требуют не столько описания, сколько интерпретации и концептуализации. Характер интерпретаций обусловлен категориальным и концептуальным строем как науки в целом, так и парадигматическими особенностями отдельных теорий и отдельных научных дисциплин. Общей чертой всех интерпретаций, естественно, выступает стремление вписать домашний труд (порядок организации, характер распределения домашних забот и пр.) в некую более общую, так или иначе структурированную систему общественных и/или межличностных отношений. Различия интерпретаций начинаются с достаточно высокого уровня абстракции и связаны прежде всего с тем, какой вариант представления о характере социального имеет интерпретатор (объективистский, субъективистский, модернистский, постмодернистский, холистский, реалистский и пр.**

Следующий уровень различия интерпретаций – дисциплинарный***.

* Дотошный читатель может ознакомиться с данными, приведенными в Прил. 2 и 3, с исследованием Всемирного банка [1]; с данными International Social Survey Program (ISSP) 1984–1995 гг. – 23 европейские страны [10]; а данные по России можно найти, в частности, в следующих изданиях: [7; 8; 11; 12, с. 573–593; 13; 14, с. 452–471; 15; 16]; а также на сайте The Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) (<http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

** Существует большой риск увязнуть в теоретико-методологических дискуссиях, однако не упомянуть об этом нельзя, ибо специфика общетеоретических и методологических предпочтений обязательно «прорастает» на всех уровнях интерпретативных моделей.

*** Дисциплинарная принадлежность не всегда исчерпывающе характеризует интерпретативную модель, т.к. в рамках любой научной дисциплины ныне процветает (или по крайней мере декларируется) мультипарадигмальность, но более или менее контингентное и/или консенсусное ограничение предметного поля конкретной научной дисциплины видно, как правило, вполне отчетливо.

Поскольку ключевым словом в нашем случае является «работа», то наибольшим вниманием домашняя занятость пользовалась и пользуется у экономистов. Вычленив экономическое поведение в относительно автономное, исследователи-экономисты чаще всего рассматривают домохозяйство как совокупность хозяйственных функций для удовлетворения личных потребностей в форме натуральных продуктов и услуг.

До 60-х гг. XX века экономическим анализом домашнего труда интересовались преимущественно представители марксистской политической экономии. Напомним, что марксизм делает основной акцент на отношениях производства, постулируя, что экономические отношения являются базисом общества, а политические, идеологические и пр. представляют собой надстройку, лишь относительно автономную от базиса. Что же касается проблематики семьи и домашнего труда, то для марксистски ориентированных исследователей она носит, как правило, факультативный характер*. Ключевыми субъектами социального действия признаются антагонистические общественные классы, отношения между которыми характеризуются эксплуатацией, приобретающей при капитализме форму присвоения капиталом части неоплаченного труда наемных работников (прибавочная стоимость).

В связи со сказанным, основные дебаты развернулись по вопросу о том, является ли домашняя экономика (домашний труд) источником создания прибавочной стоимости:

– одни утверждали, что домашний труд является таковым, ибо в заработную плату наемного работника (мужчины) включена оплата труда жены по его обслуживанию (в ином случае указанные услуги работнику пришлось бы оплачивать по рыночным ценам);

– другие полагали, что домашний труд (за исключением собственно производственной деятельности типа выращивания домашних животных и пр.) прибавочной стоимости не создает и может лишь косвенно влиять на формирование рыночной цены рабочей силы через установление стандартов образа жизни (подробнее см.: [18, с. 166]).

Кроме того, было отмечено, что домохозяйки составляют значительную часть «резервной армии труда», которая может быть либо использована как дополнительная рабочая сила во времена социальных кризисов и/или экономического бума, либо служить напоминанием для актуально занятых работников, что в случае конфликтов на их места могут найтись другие претенденты.

В качестве новых теоретических экономических подходов и схем, адекватных экономике домашнего хозяйства, рассматриваются неоклассическая и неонинституциональная традиции. При этом первая представлена теорией ресурсов, «новой домашней экономикой» и теорией относительной производительности, а вторая – теорией трансакционных издержек брачных отношений [7, с. 70–75].

Для неоклассической традиции в целом характерен предельно рациональный подход, опирающийся на модель «*homo economicus*» – изолированного субъекта, озабоченного исключительно собственными интересами и эмоционально не связанного с другими людьми.

* Марксистские ориентации и подходы, примененные к узко семейной проблематике, характерны для феминистских исследований, о которых речь пойдет ниже.

С позиции теории ресурсов домашняя работа (по сравнению с любой работой, всегда требующей определенных ресурсов) специфична в том, что потребные для нее ресурсы не связаны, как правило, с особыми физическими, психическими или квалификационными характеристиками исполнителя – в большинстве случаев домашний труд требует лишь наличия свободного времени. И обладают этим главным ресурсом те, кто менее занят и/или востребован на рынке труда. В соответствии с таким принципом «ресурсной пригодности» (рационального распределения ресурсного потенциала семьи) и складывается преимущественная занятость супругов либо на рынке труда, либо в домашнем хозяйстве.

«Новая домашняя экономика» Гэри Беккера (представляющая собой развитие ресурсного подхода) опирается на представление о семье как производственной единице, создающей «семейный капитал». Основными ресурсами в его производстве выступают товары и услуги, покупаемые на рынке, и время членов семьи. Ценность времени определяется альтернативными издержками (т. е. возможной рыночной ценой на выполнение домашних работ наемными работниками). Семья, максимизируя полезность, вынуждена калькулировать соотношение цены и расходов времени, затрачиваемого на труд в домашнем хозяйстве и на рынке труда. В традиционном обществе (в связи с тем, что женщины в нем, как правило, уступают мужчинам в объеме «рыночного человеческого капитала») для семьи более выгодно, когда муж работает вне дома, а жена занята домашним хозяйством. В современных условиях, в связи с ростом образования и квалификации женщин их домашний труд становится «дороже», решение о характере распределения домашних обязанностей становится проблематичнее и требует постоянного контроля и уточнения.

Вариантом предыдущего подхода можно считать объяснение степени участия супругов в домашней работе различиями в их производительности на рынке труда: домашняя работа выполняется тем членом семьи, рыночная производительность которого меньше (производительность измеряется уровнем материального вознаграждения и позициями в публичной статусной иерархии). Хотя объем заработка и скорость карьерного продвижения мужа выше и логично было бы возложить домашний труд на жену, нарастающая вариативность материальных и статусных позиций супругов на рынке труда должна (согласно теории относительной производительности) находить свое отражение в распределении домашних обязанностей в семье.

Довольно молодая неонинституциональная традиция делает акцент на ведущей роли экономических институтов (понимаемых как устойчивые системы связей и отношений, фиксированных в нормах, традициях и культуре общества), система которых в целом (и семья как один из них) определяет характер и направленность общественного развития. Семья здесь рассматривается как управляющая структура, способствующая, с одной стороны, адаптации своих членов к изменениям внешней среды, с другой – защищающая каждого из партнеров от эксплуатации со стороны другого. Для нашей темы существенно принятое здесь понимание семьи как института, способствующего снижению транзакционных издержек, прежде всего за счет эффекта кооперации между членами семьи, и описание брака через снижение издержек контроля. Основой интерпретации в таком случае становится теория игр, супруги становятся участниками «переговоров», брак – «имплицитным (отношенческим) контрактом», семья – организацией с внутренней институциональной структурой, семейные стратегии – результатом минимизации транзакцион-

ных издержек поддержания долговременных рискованных отношений [7, с. 74].

В рамках нового институционализма следует упомянуть экономическую теорию конвенций Л. Болтански и Л. Тевено, в которой множественные порядки ценностей связываются с шестью, по меньшей мере, мирами: рыночным, индустриальным, домашним, гражданским, миром мнений и миром вдохновения. Главную роль здесь играет противоречивая связь/взаимодействие между рыночным и индустриальным мирами, к которым примыкает домашний мир, опирающийся на традиционные и личные взаимосвязи, родство и локальность [19]. Ключевым в упомянутой теории выступает вопрос о компромиссных соглашениях и способах координации хозяйственных взаимодействий между конфликтующими порядками обоснования ценностей [20].

Более подробное изложение упомянутых экономических концептуализаций можно найти в целом ряде работ*, поэтому ограничимся здесь только критикой экономических подходов к анализу домашнего труда.

Критические замечания к концепции «новой домашней экономики» сводятся к четырем пунктам (подробнее см.: [7, с. 72–73]):

- моделируется «единая функция полезности» домохозяйства, а значение индивидуальных решений (проблема распределения власти между членами домохозяйства) игнорируется;
- вне рациональных калькуляций остаются неэкономические переменные (привычки, традиции, религиозные предпочтения и т. п.);
- слишком мощным допущением теории выглядит пренебрежение различиями в индивидуальных предпочтениях и вкусах людей, что приводит к противоречивой интерпретации;
- каузальные ряды в модели Г. Беккера не имеют логической однонаправленности, в связи с этим причины и следствия легко меняются местами.

Основные критические замечания к неоинституциональным концепциям могут быть сведены к двум пунктам:

- неспособность предоставить основу для точного эконометрического анализа (см.: [16, с. 73; 26, с. 257; 27, с. 328]);
- при обилии социальной риторики распределение совокупного труда семьи рассматривается рационально, как результат действий по минимизации транзакционных издержек.

Резюмируя, можно согласиться со следующим суждением: «Сугубо экономические подходы, делающие акцент на рациональности поведения супругов, не давали исчерпывающего ответа на вопрос о детерминантах преобладания женского труда в домашнем хозяйстве. Многочисленные эмпирические исследования с завидным упорством подрывали веру в универсальность этих подходов.» [7, с. 75].

Среди социологических концептуализаций внутрисемейного разделения труда крупнейшей, несомненно, является функционализм. В рамках функционалистской парадигмы жене отводится экспрессивная роль, а мужу – инструментальная. Она несет ответственность за поддержание благоприятного эмоционального климата в доме, он – за материальное обеспечение семьи и налаживание (регулирование)

* См.: [3; 7; 16; 18, с. 163–182; 19, с. 66–83; 20; 21; 22; 23; 24, с. 181–223; 25; 26, с. 238–276; 27, с. 310–330].

внешних социальных контактов. Подобная ролевая дифференциация детерминирована, по Т. Парсонсу, не биологическими различиями полов, а функциональными императивами развитого индустриального общества, требующего от любой малой социальной группы (в том числе и от семьи, домохозяйства) отчетливой ролевой структуры.

Отмечается, что функционалисты-социологи, уверенные, что разделение труда по полу поддерживает развитие личности и укрепляет институт семьи, не выделяли специально домашнюю работу, считая ее неотъемлемой частью экспрессивной «заботы о других» [28, с. 92].

В обзоре зарубежных социологических концептуализаций разделения домашнего труда (см.: [7, с. 75–79]) упоминаются:

– концепция идеологической укорененности (идеологический стереотип восприятия мужчины как добытчика средств к существованию оправдывает его меньшее участие в домашнем труде);

– концепция «домохозяйственных стратегий» (которые определяются как способ концентрации коллективных усилий членов домохозяйства для достижения определенного уровня жизни и темпа социальной мобильности и представляют собой результат сложного согласования несовпадающих интересов внутри домохозяйства);

– «статусные теории» (взаимные ожидания супругов и их реальное поведение в семье здесь определяются как результат оценок социального статуса друг друга; обнаруживаемая дифференциация статусов – прежде всего гендерных – формирует взаимные ожидания и модели поведения в плоскости «повелевание – подчинение»);

– сексуально-ролевые теории (используют логику биологической или психологической редукции, отдают приоритет психологически аранжированным эволюционно-биологически обусловленным различиям между полами и моделям поведения, мало подверженным изменениям при изменении положения женщин в социальном и экономическом пространстве);

– теории легитимации поведенческих образцов (общественно закрепленная легитимность лидерства/доминирования мужчин и подчиненности женщин транслируется на уровень семьи, давая мужчинам право выбирать степень участия в домашнем хозяйстве; учитывая невысокую престижность, рутинность домашнего труда мужчины, реализуя упомянутое право выбора, минимизируют свое участие в таком труде).

В отечественной социологии не обнаруживается такого разнообразия вариантов концептуализаций разделения домашнего труда. Марксистски ориентированная советская (а во многом и последовавшая за ней российская) социология оставляли эту проблематику на периферии своих интересов. Лишь в рамках изучения бюджетов времени различных социальных групп, социологии быта и образа жизни населения и, отчасти, социологии семьи затрагивались указанные вопросы.

Ретроспективный обзор показывает, что в рамках изучения бюджетов времени в России начиная с 20-х гг. XX века проводились достаточно подробные эмпирические исследования, не переросшие, впрочем, в теоретические схемы. Отмечалось, что хотя до 90-х годов XX века и имело место сокращение затрат времени на домашний труд (львиная доля которого, конечно, приходилась на женщин), процесс этот шел вяло, а в 1990-е гг. тенденция и вовсе сменила направление, что

трактовалось как одна из важнейших предпосылок сохранения относительной социальной стабильности в стране в условиях снижения реальных зарплат и доходов большей части населения (подробнее см.: [14]). Нынешнее экономическое положение в стране привело к тому, что трудо- и ресурсоемкие представительные крупные исследования стали невозможны, проводятся лишь сравнительно небольшие обследования, как правило – при поддержке научных фондов, да и Госкомстат РФ с 1990 г. прекратил обследования бюджетов времени вообще.

Зародившиеся в 60–е гг. XX столетия исследования по социологии быта (наиболее известен крупный проект «Гаганрог») не получили должного развития. В частности, намеченное в конце 1960–х – начале 1970–х гг. в работах Л. Гордона и его коллег изучение «групп поведения» с помощью методов многомерной статистики осталось лишь обнадеживающим экспериментом [29].

Релевантные рассматриваемому кругу проблем немногочисленные отечественные исследования, проведенные в последние годы, концептуальной новизной не отличались и представляли собой либо сравнение профессионального и семейного опыта мужчин и женщин России, Восточной и Западной Европы по результатам Европейского сравнительного исследования семьи [30], либо следование традициям бюджетных обследований [13; 14; 15; 23], либо опыт эмпирической верификации концептуально несистематизированного набора гипотез [7], либо попытку переноса западных подходов на российскую почву [9]. Это, конечно, принесло свои плоды и позволило обнаружить ряд правильностей и тенденций в разделении домашнего труда жителей и жительниц России, но нельзя не согласиться с тем, что состояние отечественных исследований гендерной асимметрии распределения хозяйственных обязанностей в семье далеко от идеального.

Далее обратимся к феминистским подходам. Это следует сделать как минимум по двум причинам: 1) общественная (политическая) и исследовательская проблематизация неравенства в разделении домашнего труда – заслуга прежде всего феминисток; 2) многие интерпретации гендерной асимметрии в разделении домашнего труда (или их элементы) носят отчетливую феминистскую (или антифеминистскую) окраску*.

Здесь нет необходимости рассматривать эволюцию феминизма в целом и подробно излагать его основные теоретические постулаты, отметим лишь те моменты, которые относятся к предмету изложения.

Либеральный феминизм. Ключевой идеей либерального феминизма является представление о том, что женщины как личности обладают разумом так же, как и мужчины, что женщины от рождения должны обладать всеми человеческими правами, что они должны быть свободны в выборе своего места в жизни и развитии своего человеческого потенциала наравне с мужчинами.

* Возможное возражение, что феминизм – это не наука, а идеология, я хотел бы отклонить. Конечно, высказывается и такая точка зрения (см., например: [31, с. 124–144]), но мне больше импонируют воззрения Х. Лэйси и Э. Лонжино: «...научное знание рождается в пронизанном ценностями процессе; теории имеют дезидераты, связанные не только с когнитивной значимостью; ценности (так как они влияют на принимаемые стратегии) и, следовательно, отчасти (в значительной степени?) социальные условия объясняют, какие теории производятся и принимаются научным сообществом; социальные ценности могут проявляться в теориях наряду с когнитивными ценностями.» [32, с. 292–293].

Наиболее известна в рамках общественной манифестации рассматриваемого подхода книга Бетти Фридан «Загадка женственности», в которой доказывается, что американским женщинам после Второй мировой войны различными способами деятельности различных институтов внушалось представление о возможности полной реализации женственности исключительно в домашней сфере. Женщина была вынуждена «жить чужой жизнью, либо фантазией, либо конкретной жизнью своих домашних» [33, с. 380]. Результатом этого стал рост психических заболеваний, алкоголизма и самоубийств среди женщин.

Поскольку в либеральном феминизме (особенно раннем) не разрабатывалась проблематика структурного неравенства (и, соответственно, не анализировались сложившиеся в обществе устои, препятствующие освобождению женщин), то либеральная позиция иногда приобретала романтические и утопические черты. Проявлялось это в предположении, что достаточно указать на несправедливость положения женщин, и капиталисты понесут необходимые жертвы и пойдут на уступки, а мужчины не станут сопротивляться в передаче женщинам власти и преимуществ в экономической сфере и устремятся к более полноценному участию в семейной жизни. При этом «трудно понять, почему капитализм должен принимать такие перемены или почему большинство мужчин должны охотно заняться деятельностью, которую феминистки рассматривают как неподходящую для самореализации» [34, с. 177].

В целом, либеральные феминистки считают государство нейтральным институтом, который в принципе может быть использован для исправления положения женщин, а ответственность женщин за дом воспринимается как неудачное стечение обстоятельств, которое может исправить приходящая домработница и/или добросовестный муж.

Следует отметить предпринятую Сюзан Моллер Окин попытку отойти от классического либерального утверждения о неполитической природе семьи, настаивая на тезисе, что семья, по сути, подавляет женщину и должна быть разрушена. Окин полагает, что семью можно и нужно реорганизовать согласно рациональным принципам справедливости и что, добившись справедливости в семье, мы создадим справедливое общество (см.: [34, с. 184–187]).

Довольно важными для становления и развития либерального феминизма стали идеи Энн Окли, отмечавшей, что поскольку роли полов не являются врожденными, а выступают следствием социализации, то они могут быть модифицированы и изменены в результате целенаправленной практической деятельности, включающей методы воспитания детей, образование, попытки «феминизировать» средства массовой информации и органы управления и иные способы «изменения общества изнутри» [4, с. 85]. Для нашей темы важна работа Э. Окли «Социология работы по дому», квалифицированная как классическое исследование домохозяйек. В ней показано, что домашняя работа воспринимается женщинами именно как работа и что роль домохозяйки была социально сконструирована в процессе индустриализации и ныне поддерживается идеологией женственности и хозяйственного предназначения женщин (подробнее см.: [4, с. 188–190; 28, с. 98–100]).

Критики либерального феминизма подвергали сомнению как теоретические предпосылки, так и практические последствия либеральной идеи равенства и «безразличного к полу» законодательства, игнорирующего биологические раз-

личия полов и социальные реалии и природу гендерно сконструированного общества.

Выделяется основной круг взаимосвязанных проблем, встакших перед либеральным феминизмом: а) так как либеральная парадигма опирается на неполное представление о человеческой природе (игнорирует своеобразие женщин), то она не может дать адекватного понимания мотивов и поведения всех людей; б) приняв за норму мужчину, либерализм конституирует частичные стандарты как всеобщие; в) «раздельные» либеральные миры личного и общественного не позволяют понять, что домашнее разделение труда препятствует равенству в общественной жизни и что мужчины могут быть заинтересованы в поддержании такого разделения.

Видимо, следует согласиться с суждением: «Возможно, реформы и “позапальное социальное строительство” являются лучшим путем для женщин, но этот путь только тогда будет успешным, если он основывается на понимании сложности структур власти и взаимосвязанности “общественной” и “частной” сфер жизни» [34, с. 188].

Радикальный феминизм. Ключевым для нашей темы является одно из фундаментальных положений радикального феминизма – утверждение, что мужская власть не привязана к публичным сферам политики и оплачиваемой работы, но распространяется на частные области жизни (такие, как семья и сексуальность), которые рассматриваются как инструменты патриархатного господства.

Для становления радикального феминизма значимой оказалась работа Кейт Миллет «Сексуальная политика», в которой утверждается, что «патриархатное правление есть такой институт, где одна половина населения (женщины) контролируется другой (мужчинами)» [35, с. 150]. Характерным для этого направления является утверждение, что (в отличие от постулатов общепринятой политической теории) семья есть основная часть властной структуры общества*, общественный институт, в котором эксплуатируется женский труд.

Хотя ранние феминистки радикального направления высказывали явную враждебность к семье, более поздние его представительницы выступили в защиту традиционных ценностей и ролей. Так, Элштайн утверждает, что устойчивая семейная жизнь является существенной предпосылкой цивилизованного общества, поэтому она выступает против попыток политизировать семейную жизнь или обесценить воспитательные и семейные навыки заботы и домашнего труда. Одни авторы (Стэйси, Прайс) полагают, что традиционные структуры семьи предоставляли женщинам определенную степень контроля и автономии, другие (Хэмфри) – что семья может служить опорой в борьбе против классового или расового угнетения (см.: [34, с. 210]).

Некоторые авторы попытались выдвинуть теории, утверждавшие, что патриархатное господство обусловлено исторической ситуацией и принимает разные формы. Фергюсон и Уолби полагают, например, что в западных обществах произошел поворот от частного патриархата, основанного на индивидуальном контроле в семье, к публичному, опирающемуся на структуры вне дома. Сходным образом Кокс утверждает, что наблюдается упадок традиционной патриархатной власти в семье,

* Миллет считает, что «семья не только побуждает своих членов к приспособлению и подчинению, но действует в качестве подразделения правительства патриархатного государства.» [35, с. 155].

сопровождается, однако, сексуальным подавлением и эксплуатацией – фаллической властью (см.: [34, с. 199–200]).

Радикальный (с марксистским уклоном) феминистский анализ домашнего труда как источника угнетения женщин проведен Кристин Делфи, разработавшей концепцию «семейного способа производства» и утверждавшей, что из-за неоплачиваемой домашней работы экономическое положение всех женщин одинаково плохое. Делфи определила брак как трудовой контракт, при помощи которого мужчины эксплуатируют женский труд, а так как этот неоплачиваемый труд выполняют большинство женщин, то положение всех женщин на рынке занятости находится в упадке. С точки зрения этой концепции, основной источник эксплуатации женщин коренится в семье, капитализм в этом плане вторичен. Работа, выполняемая женщинами в семье (домашний труд, эмоциональная поддержка, сексуальное удовлетворение), рассматривается здесь как поддержка экономического и политического превосходства мужчин. Так же, как в обществе капиталисты присваивают труд пролетариата, так в семье мужчины присваивают труд женщин. Это распространяется не только на жен, но и на всех женщин: дочерей, сожительниц, одиноких женщин и лесбиянок [4, с. 192].

Концепция Делфи критиковалась за необдуманное и неверное использование марксистских понятий, за неспособность обнаружить классовые различия в угнетении женщин и учесть влияние исторических изменений в браке. Как наиболее неприемлемое воспринималось положение о том, что борьба с угнетением должна вестись скорее на уровне домашней эксплуатации, чем в сфере общественных отношений в целом, оплачиваемой работы или идеологии (см.: [34, с. 207]).

Радикальный феминизм критиковался с неоконсервативных позиций политиками и исследователями, обвинявшими его в подрыве устоев семьи (яркий отечественный образчик такой критики см. в [36, с. 379–393]). Социолог Ч. Моррей утверждал, что феминистская критика семьи ошибочна и что общество нуждается в сильных семьях с мужчиной во главе. Некоторые афроамериканские авторы (например, Хэзел Карби) критиковали радикальный феминистский взгляд на семейные отношения за игнорирование классовых и этнических (расовых) различий [4, с. 199–201].

Выросший из феминизма гендерный подход стремится освободиться от идеологических пережестов. В рамках гендерной парадигмы отмечается, что поскольку гендерная система теоретически отличается от конкретных семейных форм каждого конкретного исторического периода, то семья не рассматривается в качестве основного фокуса угнетения женщин, признается разнообразие семейных форм у разных классов, расовых и этнических групп, а также разнообразие того, что они предлагают мужчинам и женщинам в разных экономических условиях [37, с. 78]. Поскольку гендерное измерение имеют мужская работа и карьера, построенные на гендерных же структурах семейной поддержки, то изменения для жен необходимо предполагают изменения для мужей (и наоборот). С таких позиций домашняя работа оказывается не просто невидимым и неоплачиваемым трудом, обеспечивающим оплачиваемую работу, но должна рассматриваться как гендерный труд, отражающий социальную значимость маскулинности и феминности и, таким образом, власть [38, с. 339].

С позиций гендерной перспективы существенно символическое значение, придаваемое домашней работе. Для женщин оно зачастую представляет собой выра-

жение любви и заботы, поэтому жена и/или мать старается сделать как можно больше и может ощущать вину за невыполненные домашние дела. Для мужей домашняя работа символизирует субординацию (как, например, в армии, где аналогичные домашнему труду виды деятельности выступают в качестве наказания), и поэтому они стремятся ее избежать [37, с. 89–91].

Важно, что гендерный подход предполагает отказ от концепции «природных половых различий» и «половых ролей», делая акцент на институциональном контексте и контексте взаимодействия [38, с. 341].

В заключение необходимо подчеркнуть, что несмотря на обилие разнообразных подходов и мнений до сих пор методологической проблемой остается определение: что такое домашняя работа? Ответы на этот вопрос даются, как это можно было заметить, неодинаковые и не всегда эксплицитные. Достаточно широко известно, что домашние обязанности меняются по содержанию (они неодинаковы, например, в индустриальных и развивающихся странах), по месту между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом и т. п. «В разных культурах в разное время не было чего-то одного, что бы постоянно определялось как домашняя работа» [37, с. 87]. К тому же, несмотря на то, что домашняя работа ныне часто воспринимается «естественной» (культурно ожидаемой и узаконенной) частью того, что значит «быть женой», не следует забывать, что идея домашней работы как особой формы труда возникает только в период индустриализации как противопоставление оплачиваемой работе.

Рассмотренные выше концептуализации домашнего труда отчетливо факультативны в рамках самых разных представлений (парадигм) о социальном устройстве мира. Видимо, в этом нет ничего предвзятого, но «экспансионистские» претензии многих из рассмотренных концептуализаций на универсальное объяснение причин и факторов гендерной асимметрии в распределении домашнего труда существенно затрудняют понимание проблемы. Очевидно, с одной стороны, что каждая из представленных концептуализаций способна объяснить тот или иной аспект гендерной асимметрии, но, с другой стороны, мало кто, к сожалению, затрудняет себя очерчиванием границ своей интерпретации.

Кроме того, встречающаяся в литературе взаимная (либо односторонняя) критика научных и политических оппонентов нередко подтверждает наблюдение Майкла Уолцера: «Самая резкая критика зачастую бывает направлена как раз на тех индивидов и те социальные группы, которые критику ближе всего и которые более всего его разочаровывают. Христианские проповедники негодуют на верующих – неверующих они игнорируют. Марксистские активисты озабочены умонастроением рабочего класса, а не буржуазии» [39, с. 47].

В связи со сказанным, уместным представляется в качестве если не «путеводителя», то некоторого концептуального вектора, позволяющего упорядочить восприятие и оценку эвристического потенциала рассмотренных направлений, а также границы интерпретационных возможностей различных концептуализаций гендерной асимметрии в разделении домашнего труда, использовать идею рефлексивной модернизации индустриального общества Ульриха Бека.

Применительно к рассматриваемой проблематике основной посылкой У. Бека можно считать утверждение, что «при уравнивании предпосылок (в образовании и праве) положение мужчин и женщин становится все более неравным, все более осозанным и все менее легитимным» [40, с.148].

Социально-теоретическая сторона «конфликта отношений» состоит в следующем:

1) Распределение ролей по признаку пола – не традиционный пережиток, а основа индустриального общества. Но это основа противоречивая, ибо универсализм рынка не знает даже собственных запретных зон (одна из них – малая семья, без которой не было бы индустриального общества) и выдвигает противоречивые требования к женщинам, которые должны выйти в сферу оплачиваемого труда и в то же время должны выполнять работу по дому и уходу за мужем и семьей. Отсюда главное: «равноправия мужчин и женщин не создать в институциональных структурах, которые предполагают неравноправие мужчин и женщин».

2) Динамика индивидуализации, выводящая людей из классовых структур, не останавливается на пороге семьи. Эта динамика также противоречива: с одной стороны, мужчины и женщины в поисках «индивидуальной (собственной) судьбы» высвобождаются из традиционных форм и ролевых предписаний; с другой – ослабленные социальные связи толкают людей к поискам партнера. Поэтому большинство людей «вступили в исторически назначенную, болезненную и пугающую фазу опробования форм совместной жизни, причем предугадать конец и результат этого ныне еще невозможно».

3) Во всех формах совместной жизни мужчин и женщин (до брака, в браке, наряду с ним и после) проступает приватное, частное лицо конфликта эпохи, осознаваемое через возможности институционального принуждения и личного выбора. Отсюда освобождение от «сословных скорлуп пола» (возведенных в ранг заданных природой) совершается как частный, личный конфликт [40, с. 159–178].

* * *

Даже беглый взгляд на сложившееся положение дел не может не привести к выводу, что поиск политических и биографических способов разрешения проблемы познания и устранения асимметрии в распределении домашнего труда остается задачей (стоящей перед деятельными субъектами различных уровней – от частного лица до правительства), пути решения которой еще только намечаются, способы решения только вызревают, временные горизонты трудно обозримы, но накопленное теоретическое и эмпирическое знание следует освоить, ибо оно выступает предпосылкой этого поиска.

Задача данной статьи – изложение имеющихся фактов и описание попыток решения проблемы гендерной асимметрии в распределении домашнего труда. Проранжировать рассмотренные подходы и концептуализации по степени их приемлемости, конечно, можно и для этого необходимо не только занять определенную позицию в выборе стратегии исследования, но и настаивать (точнее – доказывать), что именно она – лучшая из возможных. У меня нет сейчас для этого ни причин, ни оснований. Нет причин потому, что ставил перед собой задачу поелику возможно беспристрастного описания фактуального, проблемного поля и вариантов интерпретации. А оснований – потому что проблема критериев выбора «лучших» теорий и оценок конкурирующих (часто и несоизмеримых) исследовательских стратегий весьма далека от решения, принцип же дополнительности, на мой взгляд, означает лишь призыв к «худому миру» в ситуации постоянно тлеющей «доброй ссоры».

В связи со сказанным понятно, что выбор конкретных исследовательских стратегий и методов, политических задач и шагов, индивидуальных (биографических) решений каждого исследователя (каждой исследовательницы) остается, естественно, за ним (ней). Хотелось бы только пожелать, чтобы выбор этот был максимально рефлексивен и отчетливо эксплицирован в своих презентациях.

Литература

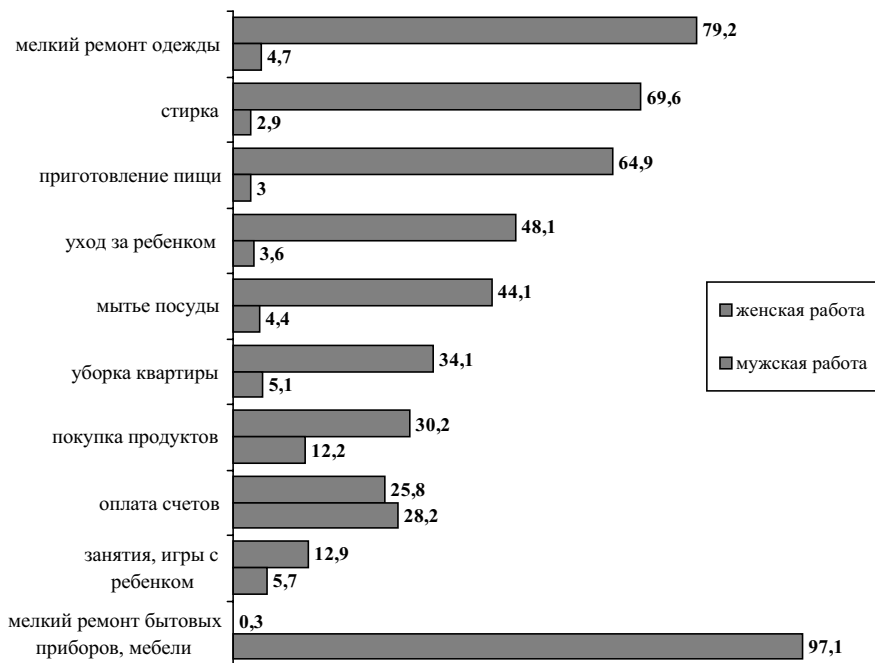
1. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2001.
2. Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. М.: Феникс, 1994.
3. Малышева М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001.
4. Томпсон Д.Л., Пристли Д. Социология: Вводный курс / Пер. с англ. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»»; Львов: «Инициатива», 1998.
5. UNDP (United Nations Development Programme). Human Development Report 1995. New York: Oxford University Press, 1995.
6. World Development Indicators 1999. Washington: D.C., 1999.
7. Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. № 4.
8. Караханова Т.М. Трудовое поведение городских жителей в бытовой сфере и его динамика за 30 лет // Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1964–1998 годах / Отв. ред. Т.М. Караханова. М.: Институт социологии РАН, 2001.
9. Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999.
10. Domanski H. Zadowolony niewolnik idzie do pracy: Postawy wobec aktywnosci zawodowej kobiet w 23 krajach. W-wa: Wydaw. IFiS PAN, 1999.
11. Артемов В.А. Социальное время: проблемы изучения и использования. Новосибирск: Наука, 1987.
12. Артемов В.А. Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970–1990-е годы // Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калутина. Новосибирск: Наука, 1999.
13. Караханова Т.М. Домашний труд и быт городских жителей: 1965–1998 гг. // Социологический журнал. 1999. № 3–4.
14. Патрушев В. Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
15. Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
16. Поллак Р. Транзакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // THESIS. 1994. № 4.
17. The Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) // <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>.
18. Мезенцева Е.Б. Гендерные аспекты деятельности в неформальной экономике / Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001.
19. Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3.

20. Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10.
21. Вулли Ф. Феминистский вызов неоклассической экономической теории // THESIS. 1994. № 6.
22. Калабихина И.Е. Некоторые аспекты теоретического анализа домохозяйства // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1995. № 5.
23. Калабихина И. Социальный пол и проблемы населения. М.: Менеджер, 1995.
24. Журженко Т. Экономическая теория и феминизм // Теория и история феминизма / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; Ф-Пресс, 1996.
25. Мезенцева Е. Гендерная экономика: теоретические подходы // Вопросы экономики. 2000. № 3.
26. Мезенцева Е. Гендерная проблематика в экономической теории / Введение в Гендерные исследования. Ч. I. Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетей, 2001.
27. Мезенцева Е.Б. Гендерная экономика: теоретические подходы // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. Под общ. ред. М.М. Мальшевой. М.: Academia, 2002.
28. Тартаковская И.Н. Социология пола и семьи. Самара, 1997.
29. Гордон Л., Возмитель А., Журавлева И., Клопов Э., Римашевская Н., Ядов В. Социологи быта, здоровья и образа жизни // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
30. Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования). М.: Элиториал УРСС, 1998.
31. Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. Останется ли наука системой объективного знания / Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века. СПб.: РХГИ, .
32. Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание / Пер. с англ. Л.В. Сурковой, В.А. Яковлева, А.И. Панченко. Под ред. В.А. Яковлева. М.: Логос, 2001.
33. Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994.
34. Брайсон В. Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, 2001.
35. Миллет К. Сексуальная политика (главы из книги) // Вопросы философии. 1994. № 9.
36. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.: Издательский дом «Грааль», 2000.
37. Ферри М. Феминизм и семейные исследования // Гендерные тетради. Выпуск второй. СПб.: СПб филиал Института социологии РАН, 1999.
38. Гурко Т.А. Феминистская перспектива в социологии // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ – МВШСН – МФФ, 2001.
39. Уолцер М. Компанья критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идея Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
40. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Приложение 1

Данные опроса жителей Санкт-Петербурга и Тулы (1999 г.), общий объем выборки N=1100 (Санкт-Петербург – 700, Тула – 400), для каждого из городов была построена маршрутная районированная квотная выборка, в которой квоты составлялись для всех административных районов в соответствии с численностью проживающего в них населения и характером жилищной застройки района. Выборка репрезентативна населению Санкт-Петербурга и Тулы по полу и возрасту.

Распределение семейных занятий по их видам (% к общему числу опрошенных)

Следует отметить, что такие представления разделяют как мужчины, так и женщины. Кроме этого, представленные характеристики распределения с небольшими (незначимыми) вариациями сохраняются как при описании **идеального** варианта распределения домашних занятий, так и при оценке **реального** состояния дел в семьях респондентов.

Приложение 2

Данные стандартизированного опроса 752 глав городских домашних хозяйств (1998 г.), территориальная выборка в трех регионах России (Москва, Нижний Новгород, Иваново)

Структура труда супругов

		виды труда			
		рыночный	домашний	подсобный	совокупный
мужчины	часы в неделю	38,0	23,0	4,7	65,7
	доля (%)	55,3	37,3	7,4	100
женщины	часы в неделю	25,7	42,7	4,8	77,7
	доля (%)	30,3	63,7	6,0	100

Источник: [5, с. 88]

Сравнительный вклад супругов в совокупный семейный труд (%)

	виды труда			
	рыночный	домашний	подсобный	совокупный
доля мужчины	62	31	49	45
доля женщины	38	69	51	55
всего	100	100	100	100

*Источник: [5, с. 89]

Приложение 3

Данные панельного исследования в изучении бюджетов времени населения г. Пскова на протяжении 30-летнего периода (1965–1997/98 гг.)

**Динамика затрат времени на бытовую деятельность
у работающих жителей Пскова 18–65 лет с 1965 по 1997/98 гг.
(в среднем на человека в неделю)**

годы	часы		Доля затрат времени от величины общей трудовой нагрузки (%)	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1965	11,9	30,7	19,2	40,1
1986	12,8	24,3	20,1	34,8
1997	15,2	25,1	22,6	39,6
1986 к 1965 (+ ; -)	+ 0,9	- 6,4	+ 0,9	- 5,3
1997/98 к 1986 (+ ; -)	+ 2,4	+ 0,8	+ 2,5	+ 4,8
1997/98 к 1965 (+ ; -)	+ 3,3	- 5,6	+ 3,4	- 0,5

*Источник: [17, с. 80]